

МЕМОРАНДУМ МОРАЛИСТА

После инноваций МинОбрНауки в области школьной литературы становится уже просто неприличным взывать к властям о важности и нужности целых отраслей социально-гуманитарного знания. К чему Отечеству политическая социология, если есть депутаты? В интервью телекомпании РБК депутат В. Зубов заявил буквально следующее: «Ведь социолог, он что? Он только нынешнее состояние общественного мнения изучает! А депутаты силой интуиции и воли меняют положение вещей и, кстати, общественное мнение тоже...» Оценивая пропорцию гипотетической зарплаты депутата и, доподлинно, заведующего соцлабораторией, можно смело заявить, что Родине всплески интуиции и воли депутата ценнее точного социологического знания завлаба примерно в 20 раз.

Что уж говорить о важности такой отрасли как социология морали, если даже в среде собратьев нет-нет, да и раздадутся голоса сомнения в ее научности и социологичности. К счастью, это лишь отдельные исключения. В большинстве своем мы понимаем, что в изучаемом нами обществе и без социолога найдется кому поморализировать, что моральные суждения высказываются людьми непрерывным потоком независимо от нашей воли и сознания (это, напомним, критерий объективности существования); что эти люди не только говорят, но еще порой и действуют. Изучая общественное мнение, мы изучаем общественное осуждение или одобрение; вслушиваясь в звуки социального конфликта, мы слышим: «Хапуга!», «Глазюки завидушие!», «Врун позорный!». Кстати, морально не конкретизированный мат парадоксальным образом родственен по этому признаку морально не конкретизированной сциентистской лексике.

Моральные ценности и оценки органичнее многих, инсталлированных цивилизацией, например, профессиональных ценностей. Разворачивание концепта «хороший начальник» гораздо вероятнее и чаще покажет значения

«добрый», «внимательный», чем «компетентный» или «инициативный». Даже Р.Мертон, которого трудно заподозрить в симпатиях к социологии морали, в качестве индикатора девиации упоминал «смутное нравственное беспокойство».

Итак, мораль как морализирование, мораль как апелляция индивида, группы или общности к моральным нормам, идеалам, запретам и дозволениям – объективно существующий социальный феномен, и в качестве такового она – законный объект исследования.

А между тем обоснованию поддается и гораздо более сильный тезис. *Морализаторство социолога возможно, было, будет иметь и имеет место.* Подчеркиваю: я не любитель полярных позиций и не считаю этот тезис справедливым. Но в данном случае усмотрение резона в крайней позиции будет способствовать укреплению позиций социологии морали в методологически более здоровом и умеренном исполнении.

Аргумент 1, методологический. Вопрос «Как это изучить?» никто не снимал с повестки дня. На первый взгляд кажется, что дифференциация между бедными и богатыми проще и четче, чем между добрыми и злыми. Первая градация легко операционализируется с помощью банковского счета; еще проще – отдать процесс дифференциации на откуп респондентам (к какой категории, мол, вы себя относите?). Если, конечно, респонденты – не буддийские монахи.

Другое дело «добрые / злые». Можно допустить существование двух множеств людей с эмпирически очевидными предикатами – «патологическими добряками» и «завзятыми злюками». Но эти множества будут ничтожно малы по сравнению с массивом промежуточных значений, потому что технически уловить тех, кто встал не с той ноги или добр лишь избирательно, не представляется возможным.

Казалось бы. Однако именно методологический абсолютизм социологического знания дает здесь верную подсказку. Доброта-вообще, чтобы в перспективе стать социологической величиной, должна быть

конкретизирована. Например, в неутилитарную готовность усыновлять нездоровых детей. И вопрос, кто добрее, россияне или американцы, сразу обретает цифровую плоть и кровь.

Особая статья – профессиональная этика. Фраза «социологи морализируют друг друга» – это, конечно, удар ниже пояса. Но предмет такого морализирования – нравственные параметры исследования объекта. Где границы социальной роли «социолог»? Почему журналисты прикидываются социологами, терзая генсовокупность жуткими дилетантскими вопросами, а социолог прикинуться журналистом и устроить эксперимент-хэппенинг – не может? Я знаю ответ: социологи хорошие (добрые), а журналисты – плохие (злые)!

Аргумент 2, онтологический. Здесь существование т.н. «общественной нравственности» задается аксиоматическим путем. Вопрос: какую роль она играет в динамике общественного бытия, является ли детерминирующим фактором или же, наоборот, сама является конечным продуктом внешней детерминации?

Важным показателем нравственной онтологии является переход от моральной эрозии к моральной инверсии. Этическая эрозия – характеристика социальных индивидов, в социологии означает эмпирически ощутимое от моральных стандартов (предписаний, табу, образцов). Этическая инверсия – это уже необратимое, систематическое и устойчивое отступление от моральных стандартов. Эрозия относительна, инверсия – абсолютна. Эрозия – умозрительна (по крайней мере, для эмпирической социологии), инверсия же – это медицинский факт.

По вопросу о том, какова взаимозависимость социальных явлений на разных уровнях социальной систематики можно сформулировать три детерминистские парадигмы.

Административно-правовой детерминизм: индивидуальная нравственность – это конечный результат организованного сознательного воздействия. Иными словами, главное здесь – создать хорошие законы и

требовать их неукоснительного исполнения. Этой болезнью страдают педагоги, вечно путающие воспитание и социализацию.

Социологический детерминизм: стихийно возникающие и функционирующие общественные условия оказывают объективное формирующее воздействие на нравственный профиль индивида.

Этический детерминизм: стихийно возникающие и функционирующие общественные условия сами являются результатом индивидуально обусловленных, преимущественно нравственных, интенций. Такой интенцией, например, является субъективное стремление избавиться от морального стигмата гулящей женщины, а результатом – профсоюз проституток и, в будущем, право на ордена и почетные звания.

Таким интенциям, даже необязательно выражаться в поступках, когда они создают, скажем «общественную атмосферу» или «идеологию». Т.н. халява существует именно как интенциональный факт общественного сознания, потому что по зрелом размышлении расплачиваться придется всем и за всё. Но именно в этом своем качестве халява – важнейший системообразующий фактор экономики и политики.

Системный эффект – важная тема в вопросе о социогенетике морали. Моральное сознание – это дисперсная социальная среда или структура? Как распределены «грешники» и «праведники» в общественной целостности? И здесь опять видим парадигмальное устроение, ибо распределение значения «грешник» в «пирамидальной» структуре может осуществляться тремя способами.

Распределение 1. Равномерное (пропорциональное). Его принцип: «Всякий народ достоин своего правительства». Государства и элиты – это социокультурные продукты порождающей среды. Свита делает короля, а холопы – свиту. И, как в старину у Гегеля, все остаются «при своих».

Распределение 2. Элитарное. Его принцип: «Рыба гниет с головы». Власть и деньги ценны не для всех одинаково, и отвоевывает их тот, кто сильнее мотивирован, а значит, готов ради этих ценностей пожертвовать

другими – скромностью, верностью, честью. Поэтому-то, по словам персонажа А.Толстого, «во время шторма наверху всякое д... *merde* плавает».

Распределение 3. Пролетарское. Слоган такого видения социального мира: «Подлое сословие». Исторически двусмысленный термин, сливающий социальное положение и нравственный профиль. Чем ниже на социальной лестнице – тем меньше социальный спрос и ответственность. Сильнее всего обитателей рублевских дач ненавидят те, кто хотел бы эти дачи «обнести».

Аргумент 3, феноменологический. Здесь аксиома – тематическая направленность мыслей и действий. Применительно к нашей теме табу на морализирование социально-институциональные рамки выступают двояким образом.

Во-первых, интенция, в т.ч. моральная, может быть двунаправленной – как проблематизация и как депроблематизация. Проблематизация – это усмотрение проблемы, внимание, переживания, действия в отношении реального или мнимого объекта. Так, ревнивец поглощен личностью Соперника независимо от того, имеется ли тот в наличии.

В становлении науки не последнюю роль сыграл эффект моральной депроблематизации, т.е. организованного, социально оформленного и институционализированного *не-усмотрения* проблем нравственного свойства. Как на Страшном Суде будет «отмазываться» ассистент палача? Правильно, «я сам не убивал». А физик Оппенгеймер? Правильно, так же. А социолог, представляющий лишь отчет и не дающий даже практических рекомендаций?

Классическая социология рефлексивного типа, отражающая реальность и воздерживающаяся от моральных оценок, не хуже и не лучше других классических наук. Отличие лишь в том, что противоречие с деятельностной парадигмой, в которой действием является даже не поход на баррикады, и даже не призыв к нему, а сам факт твоего существования, сказывается на социологии сильнее. Даже молчащая социология – это энергетическое возмущение в континууме общественного бытия.

Во-вторых, декларация социальности чего бы то ни было – один из самых распространенных и надежных способов депроблематизации. Добавление к ругательству «урод» прилагательного «социальный» автоматически сбавляет градус и заставляет обреченно «констатировать факт». Институциональность социологии – это не только способ кооптации социолога в профессиональную среду, не только способ репрезентации социолога как агента профессиональной среды, но еще и, в известной степени, барьер между социологом и социологией. Социолог морализирует, но в одиночестве.

Последние 20 лет в научной, околонучной и даже «желтой» литературе волнами прокатываются обсуждения серьезных проблем, имеющих в своем субстрате «примеси» нравственного порядка. Каждая из этих проблем по отдельности способна была бы поставить на грань существования любую национальную целостность. Алкоголизмом и наркоманией поражен каждый 15-й россиянин; практикующих педофилов, по разным оценкам, наплодилось до нескольких сотен тысяч; финансовая емкость национальной коррупции сопоставима с национальным бюджетом; безнадзорных детей в России столько же, сколько ежегодно выпускается из средней школы; насилие получает все более широкое распространение во всех сферах общественной жизни.

Гражданская позиция начинается с нравственной. И твердая гласная позиция, занимаемая ведущими исследователями России и мира по «горячим» вопросам (смертная казнь, «Дима Яковлев» и пр.) свидетельствует о том, что «жив курилка», не хуже результатов повседневного кропотливого труда. Если глас народа – это глас Божий, значит, с нами – Бог.

Литература

1. Бурдые П. Практический смысл – СПб.: Алетейя, 2001.
2. Григорьев С.И. Соотношение формального словесно-логического и идейно-образного видов мышления в деятельности социологов // Социологические исследования – 2012. – №1. – с. 27-36.

3. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура – М.: Хранитель, 2006.

Иванычев П.С.,

г.Тюмень

ВОЗМОЖНОСТИ СОЦИАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫМИ ОРГАНИЗАЦИЯМИ

Социальное управление государственными организациями предполагает сознательное и целенаправленное воздействие на систему управления (в целом и/или её отдельные элементы), где процессы и действия органов исполнительной власти, основанные на программно-целевом подходе обеспечивают, контролируют и регулируют деятельность людей и их коллективов государственных предприятий и учреждений, призванные регулировать социальные отношения. С целью определения возможностей реализации социального управления государственными предприятиями и учреждениями автором проводилось социологическое исследование системы управления государственными организациями РФ и Тюменской области, проведённое на базе Тюменской государственной академии мировой экономики, управления и права, на основе экспертного опроса в форме фокусированного и стандартизированного интервью представителей органов исполнительной власти в сфере управления государственными организациями (Росимущество ТО, Департамент имущественных отношений ТО): это руководители, их заместители, руководители структурных подразделений (государственные служащие) (39 человек); руководители государственных предприятий, их заместителей (40 человек) и руководители, их заместители, а также руководители структурных подразделений государственных учреждений (108 человек) г. Тюмени и Тюменской области (всего 187 человек) (2009–2011 гг.).

В результате исследования выявлялись аспекты, характеризующие систему социального управления государственными организациями и